

Михайлов Андрей Павлович

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета

**К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ
ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ»
И ОПРЕДЕЛЕНИИ
ЕГО СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ**

Mikhaylov Andrey Pavlovich

D.Phil. in Social Science,
Professor, Philosophy and Sociology Department,
Adygea State University

**CONCERNING DEFINITION
OF "EXTREMISM"
AND ITS CONTENT FIELD**

Аннотация:

В статье производится анализ содержательных аспектов понятия «экстремизм». Автор исходит из позиции, согласно которой экстремизм – это одна из наиболее серьезных проблем современного общества. Обосновано, что практическая деятельность по противодействию экстремизму требует законодательного закрепления отдельных форм социальной деятельности в качестве экстремистских. Вместе с тем выявляется опасность формирования чрезмерно общего определения экстремизма, что инициирует ряд негативных последствий.

Ключевые слова:

экстремизм, дефиниция понятия «экстремизм», право, социальный дискурс, деструктивные процессы, общество, факторы развития экстремизма.

Summary:

The article analyses the content aspects of the 'extremism' concept. The author follows the idea that extremism is one of the most serious problems of the modern society. It is argued that practical counter-extremism activities require legislative formalization of certain forms of social activities as extremist ones. At the same time, there is a risk of overly general definition of extremism, which leads to a series of negative consequences.

Keywords:

extremism, definition of extremism, law, social discourse, destructive processes, society, factors of extremism development.

Процесс формирования правовых норм тесно связан с социальным знанием. Это определяется тем фактом, что целью формирования законодательных актов выступает создание таких условий, в которых существование социальной системы является наиболее эффективным. В то же время именно социальный дискурс определяет перспективные пути развития социума. Здесь можно отметить существующую связь между такими факторами, как направление развития знания в социальной сфере (направленность научных разработок социальной теории) и условия, в которых происходит формирование правовой базы конкретного государства. Таким образом, несоответствие проводимой государством политики социальной ситуации, сложившейся в обществе, зачастую приводит к возникновению деструктивных изменений в социальной структуре [1]. Поэтому необходимо отметить большое значение информационно-теоретической сферы исследования политической деятельности.

Стоит отметить такой важный аспект в сфере теоретических разработок проблемы экстремизма, как его многосторонность. В первую очередь экстремизм представляет собой деструктивную социальную деятельность, фиксируемую посредством преступных деяний. В то же время он обладает сложной природой и зависит в своем проявлении от внутренних механизмов развития социальной сферы [2]. Поэтому можно говорить о том, что юридическое определение не исчерпывает феномен экстремизма, так как он представляет собой более широкое социальное явление, для определения которого эффективнее использовать социальный анализ.

Внешняя проявленность определенных элементов экстремистского мировоззрения не является обязательным условием для деструктивного функционирования в социальной среде. В то же время на развитие экстремизма, кроме явных криминальных, воздействуют факторы, не относящиеся к сфере социальной деструкции. В частности, критическое отношение к господствующему политическому режиму или отдельным структурным явлениям, несомненно, дестабилизирует социальную обстановку, но в то же время не является проявлением экстремистской деятельности, так как своей целью имеет не разрушение существующей структуры, но созидание структуры, соответствующей заданному идеалу.

Таким образом, можно сказать, что основной причиной возникновения проблем в сфере определения экстремизма выступает неопределенность такого критерия, как цель субъекта деятельности. В качестве иллюстрации можно привести пример ситуации, когда конфликт между пред-

ставителями различных этносов, перешедший в формат силового воздействия, может быть мотивирован как случайными социальными факторами, в рамках которых принадлежность к определенному этносу не несет существенной информации, так и исключительно этническими различиями, что может быть определено уже как экстремистская деятельность. Здесь выявляется различие между отношением к данному событию в рамках юридической и социальной сфер. Тем не менее даже в случае отсутствия экстремистской определенности конфликт представляет собой событие, которое затрагивает интересы представителей различных этнических групп, что может выступить в качестве основания для обострения экстремистских настроений на уровне группы [3].

В вышеописанном примере наблюдаем такое явление, как переход конкретного индивидуального социального явления на уровень взаимодействия различных социальных групп. Таким образом, можно утверждать, что проблема переходит на иной, более высокий уровень социального взаимодействия [4]. Имеется взаимосвязь между явлением экстремизма и социологическими закономерностями развития событий в обществе. Здесь явно проступают различия между социальным (более широким пониманием) и юридическим (более узким, подразумевающим лишь непосредственные проявления) подходами к определению феномена экстремизма.

Также стоит сказать о том факте, что не является конструктивным подход, трактующий все факторы развития экстремизма в качестве его самого, так как подобная стратегия может привести к ошибочной квалификации различных отдельных социальных проявлений в качестве экстремизма. Таким образом, основной задачей специалистов является выделение из совокупности признаков и иных аспектов экстремизма конкретно тех, которые непосредственно относятся к самому явлению экстремизма и могут быть отслежены и проконтролированы. Поэтому возникает необходимость подробного анализа факторов развития экстремизма.

Несмотря на то что экстремистская деятельность может проявляться в том числе и на групповом уровне, именно на уровне индивида происходит трансформация сознания посредством привнесения извне деструктивных идей. Подобные тенденции можно рассматривать и как последствия столкновения индивида с дисфункцией социальной среды [5], что приводит к формированию негативного опыта, а в дальнейшем – возникновению определенного (деструктивного) отношения к социальной структуре в целом и ее элементам в частности [6]. В данном контексте справедливы опасения ряда современных исследователей, проецирующих возможные варианты последствий глобализации культуры [7]. В частности, для кавказских этносов ситуация может быть проблематизирована ввиду столкновения традиционных культурных установок и установок глобального общества. Применительно к проблематике экстремизма это означает возможность проникновения деструктивных тенденций в локальные культуры, еще не готовые к борьбе с десятилетиями отработанными функциональными практиками вовлечения в экстремистскую деятельность.

При анализе групповой экстремистской деятельности необходимо помнить о таком ее признаке, как организованность, что предполагает, в частности, деятельность по привлечению новых участников экстремистской организации. Здесь имеет место процесс институционализации сформированных экстремистских социальных тенденций, что приводит к самоорганизации экстремистской деятельности группировок.

Таким образом, можно говорить о том, что противостояние распространению экстремизма должно осуществляться на различных уровнях, что требует наличия различной методологии. Это также означает, что правовая сфера, выступая важным инструментом в противодействии экстремистским тенденциям в обществе, не является единственно возможной. Кроме правовой деятельности, необходимо развитие таких компонентов социальной сферы, как культура, информационное поле, конструктивное взаимодействие и согласованность основных социальных институтов [8]. Поэтому столь важны наличие в каждой из сфер особого подхода и отсутствие недействительных, а порой и деструктивных мер, привнесенных из иных сфер социальной жизни (например, проблемы, возникшие в результате деструкции социальных институтов, не могут и не должны разрешаться силовыми методами, но требуют своего подхода к урегулированию функционального межинституционального взаимодействия).

Можно говорить о том, что необходимо разделение сфер социальных процессов, связанных с экстремизмом, но не являющихся им, и сферы наказания. Как уже было отмечено выше, социологическое рассмотрение экстремизма представляет собой более широкое поле, нежели юридическое, что тем не менее не подразумевает расширения юридического поля, а требует подключения иных регуляторов, позволяющих совместно с правовой сферой конструктивно устранять проблемные участки социальных конфликтов.

Ссылки:

1. Плотников В.В. Деструктивный потенциал неравномерного социального развития // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 22–24.

2. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38–41.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева ; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998. 270 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
5. Кубякин Е.О., Стригуненко И.К., Драгин В.А. Методологические подходы к анализу девиантного поведения // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2014. № 1 (17). С. 134–142.
6. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен дестабилизации локальной социальной системы (государства) // Научный Вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59). С. 69–72.
7. Тужба Э.Н. Глобализация культуры: основные измерения и последствия // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. Т. 15, № 1. С. 118–123.
8. Плотников В.В. Трансформация социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма. Краснодар, 2016. 230 с.

References:

- Kubyakin, EO, Strigunencko, IK & Dragin, VA 2014, 'Methodological approaches to the analysis of deviant behavior', *Chrezvychaynyye situatsii: promyshlennaya i ekologicheskaya bezopasnost'*, no. 1 (17), pp. 134-142, (in Russian).
- Kubyakin, EO & Plotnikov, VV 2015, 'The phenomenon of destabilization of the local social system (state)', *Nauchnyy Vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, no. 4 (59), pp. 69-72, (in Russian).
- Merton, R 2006, *Social Theory and Social Structure*, Moscow, p. 873, (in Russian).
- Parsons, T, Sedov, LA, Kovalev, AD (transl.) & Kovaleva, MS (ed.) 1998, *The system of modern societies*, Moscow, p. 270, (in Russian).
- Plotnikov, VV 2014a, 'The destruction of the social group as a medium of existence of extremism', *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, no. 4, pp. 38-41, (in Russian).
- Plotnikov, VV 2014b, 'The destructive potential of uneven social development', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 20, pp. 22-24, (in Russian).
- Plotnikov, VV 2016, *Transformation of social institutions as a genetic factor extremism phenomenon*, Krasnodar, p. 230, (in Russian).
- Tuzhba, EN 2011, 'Globalization of culture: the main measurement and implications', *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty*, vol. 15, no. 1, pp. 118-123, (in Russian).